

В.Ф. Берков. **Методология науки. Общие вопросы.** Мн.: РИВШ, 2009. 396 с.

Рецензируемая книга должна рассматриваться и оцениваться прежде всего в контексте той ситуации, которая сложилась сегодня в философской науке. А эта ситуация характеризуется тотальным кризисом, охватившим и философскую науку, и систему философского образования. Причем – и это следует особо подчеркнуть – этот кризис вызван не объективными причинами, не внутренней логикой самого философского процесса, а радением тех, кто пожаловал себя эксклюзивным правом быть законодателем современной философской моды. Как следствие этого – упадок престижа философии в глазах научной общественности и невостребованность со стороны государственной власти.

Любая человеческая деятельность имеет смысл лишь постольку и в той мере, поскольку и в какой мере она удовлетворяет какой-либо практической потребности общественного человека. Это общее правило в равной мере приложимо и к интеллектуальной, в том числе научной, деятельности. Чтобы получить общественное признание, а следовательно и само право на существование наука должна предъявить обществу доказательства своей необходимости. Философия в этом отношении находится в крайне незавидном положении. Ее практическое значение столь неочевидно, что сплошь и рядом порождает если и не негативное, то снисходительное к ней отношение. И в самом деле, какое практическое применение могут иметь философские представления, скажем, о движении? Или пространстве? На них не создашь не то что двигатель внутреннего сгорания, не смастеришь элементарную телегу, не измеришь даже площадь своего садового участка. Так стоит ли загромождать ею голову в наш практичный век, когда все, что престижно для человека и определяет его общественный статус, должно иметь свой денежный эквивалент? Видимо, именно этими соображениями и руководствовались те, кто исключил философию из программы подготовки аспирантов, заменив ее, как это сделано в России, «Историей и методологией

науки»? К чести Министерства образования и ВАК Республики Беларусь в стране сохранен курс философии для аспирантов и магистрантов, правда, в форме «Философии и методологии науки». В таком содержании курс этот новый, еще не прошедший пока необходимой апробации в учебном процессе. Естественно поэтому, что любой его вариант может и должен рассматриваться как носящий поисковый характер. Свое видение курса, его содержания и архитектуры предлагает и автор рецензируемого учебного пособия, которое предназначено для слушателей системы повышения квалификации и переподготовки кадров образования и науки.

Имя В.Ф. Беркова хорошо известно философской общественности не только Беларуси, но и России. Его учебник логики – один из лучших на постсоветском пространстве. Уже одно это служит гарантией, что и его новое учебное пособие удовлетворяет самым строгим научным и дидактическим критериям. Знакомство с книгой оправдывает эти ожидания. Она сочетает в себе глубину рассмотрения проблем с ясностью изложения. Это большое достоинство, которое тем более необходимо отметить, что оно очень редко встречается. Написание учебника или учебного пособия – дело чрезвычайно сложное. Не всякий профессионал, даже очень высокого класса, возьмется за это. Ибо, кроме таланта популяризатора, тут необходим еще и собственный опыт в исследовании тех проблем, которые составляют содержание таких изданий. На практике же за их написание зачастую берутся люди, весь исследовательский опыт которых всецело исчерпывается темой защищенной ими докторской, а то и кандидатской диссертации. Естественно, что в этом случае учебник, как правило, носит компилятивный и, следовательно, эклектический и поверхностный характер. Вот и приходится компенсировать недостаток теоретической глубины искусственной сложностью изложения, нагнетая псевдоученную заумь.

Автор рецензируемого пособия имеет четко выверенную собственную позицию по тем проблемам, которые он излагает. Это придает работе необходимую концептуальность и системность. Перед нами не

механический набор разного рода проблем, а пронизанная внутренней логикой цельная интеллектуальная конструкция. Формально книга состоит из вводной части и семи разделов. Тематически же, или содержательно, в ней можно было бы выделить три блока проблем. Первый, который можно было бы назвать науковедческим, посвящен анализу науки как особой формы духовного освоения человеком мира, ее социологии, структуре научного знания, организации научной деятельности, этическим аспектам научного творчества. Предметом второго является методология научного познания. Наконец, третий, заключительный, раскрывает проблемы научного текста. Все они написаны ровно, на хорошем профессиональном уровне, с привлечением широкой источниковедческой базы.

Я не стану детально останавливаться на отдельных неточностях, допущенных автором. Они, конечно, есть. Так, автор предлагает различать научную истинность и научную рациональность. Научная истинность, по его мнению, касается соответствия знания объекту отражения, научная рациональность – соответствия знания «тем познавательным средствам, нормам и идеалам, которые приняты наукой и ведут к объективной истине» (с. 98). С моей точки зрения, такая дифференциация возможна лишь в контексте кантовской гносеологии. Как известно, согласно Канту, наше знание имеет двойной источник детерминации: внешний мир, который составляет содержание мышления, и мыслительные формы, которые никакого отношения к мыслимому миру не имеют и присущи мышлению *a priori*. Исходя из этого, Кант и различает формальную правильность мышления и истинность знания по содержанию, т. е., по его мнению, суждение по своей логической форме может быть правильным, а по своему содержанию – ложным. У Канта это, как очевидно, имеет свой резон. В системе материализма оно никакого резона не имеет. Чтобы согласиться с этой кантовской дихотомией, необходимо признать, что формы и законы нашего мышления носят априорный, а не содержательный характер. Вызывает удивление и расширительное толкование автором детерминации, которая в его интерпретации включает в себя все многообразие связей действительности. Однако абсолютизация детерминации (причинности), сведение всего многообразия связей к причинно-следственной связи как раз и составляло одну из ошибок метафизического материализма, имевшую для него весьма плачевные теоретические последствия. Можно было бы предъявить автору и ряд других претензий. Однако очевидно, что они не могут существенно повлиять на

общую высокую оценку работы, поставить под сомнение ее добротный профессиональный и методический уровень. Поэтому гораздо продуктивнее, на мой взгляд, предложить для обсуждения некоторые вопросы, касающиеся этого нового курса.

С некоторых пор общим местом стало утверждение, что философия – не наука. В то же время никто не отрицает, что именно философия выполняет функцию всеобщей методологии научного исследования. Более того, именно в этом видят одно из предназначений философии. Получается явная несуразность: не будучи наукой, философия выполняет функцию ее методологии. Тут, на мой взгляд, нужно выбирать одно из двух: либо философия наука – и тогда она в состоянии выполнять функцию научной методологии, либо она не наука – и тогда никаких функций в развитии научного знания она выполнять не может. Третьего тут поистине не дано. Никаких серьезных аргументов, которые ставили бы под сомнение научный статус философии, не существует. Легко доказать, что те претензии, которые обычно предъявляют философии, в равной мере могут быть предъявлены любой фундаментальной науке. Дело не только в восстановлении прав истины, что тоже немаловажно. Дело в том, что только в этом случае, т. е. в случае признания философии наукой, можно теоретически обосновать и законность ее наличия в учебной программе вузов, и необходимость в процессе методологической подготовки будущих научных работников.

В рассматриваемом курсе чрезвычайно важно строго определиться с тем, какое содержание мы связываем с понятием «метод», какую семантическую нагрузку несет этот термин. Обычно под методом понимают совокупность средств (правил, приемов и т. д.), используемых наукой в процессе исследовательской деятельности. Такое определение содержится и в рецензируемом учебном пособии (с. 125). Против этого нечего возразить, все корректно. Вопрос в другом: откуда берутся эти правила и приемы? Несут ли они конвенциональный характер или имеют объективную детерминацию? Согласно диалектико-материалистической гносеологии внешний мир, являющийся объектом нашего познания, определяет не только содержание мышления, но и его форму. А если так, то отсюда следует, что методология той или иной науки носит неслучайный характер, что она строго детерминирована ее предметом и содержанием. Иначе говоря, каждая наука имеет свою собственную методологию и функцию этой методологии выполняет система ее категорий и законов.

Любая система знания может быть использована двояким образом – в практических целях и в целях получения нового знания. В последнем случае она и выполняет функцию методологии. Иными словами, методология науки – это та же ее теория, только обращенная к практике исследования. Эту функцию всеобщей методологии научного познания в состоянии выполнять только философия, поскольку она и только она одна отражает мир со стороны его всеобщих свойств (философские категории) и всеобщих отношений (философские законы). Система категорий и законов философии и есть та методология, которой наряду со своей «прикладной логикой» (Гегель) вынужден пользоваться любой ученый, чтобы дать адекватное отражение своего предмета. Философия, таким образом, не навязывает частным наукам свою методологию, она навязывается ее собственным предметом и содержанием. Если согласиться с таким пониманием метода, то мы придем к единственно возможному выводу: основное содержание рассматриваемого курса должна составлять традиционная (формальная) логика и логика диалектическая (категориальная). Что касается тех приемов и правил, которые обычно относят к методам научного познания (наблюдение, эксперимент, моделирование и т. д.), то их правильнее было бы отнести не к методологии, а к методике.

Собственно, такова, как мне кажется, и позиция автора пособия. Так, большая часть его книги отведена тем проблемам, которые составляют содержание традиционной логики. В методологию науки он включает и диалектическую логику, справедливо критикуя тех, кто в науке руководствуется принципом: все то, чего я не знаю или не понимаю, все – вздор. Правда, делает это очень уж «политкорректно», хотя воинствующее невежество следует ставить на подобающее ему место. Видимо, все той же «политкорректностью» объясняется и то, что раздел диалектической логики оказался наиболее обедненным. По сути, затронут только чрезвычайно важный именно в методологическом отношении вопрос о соотношении традиционной логики и логики диалектической. Дискуссия по нему, к сожалению, так и не была в свое время завершена, а вместе с тем современная наука, в особенности теоретическая физика, то и дело сталкивается с ним.

Следовало бы еще раз возвратиться к вопросу о правомерности особой «философии науки». Касаясь ее предмета, автор учебного пособия констатирует, что «значительная часть вопросов, которые решались

и решаются в рамках науковедения, носят философский характер» (с. 6). Думаю, что корректнее было бы ту же мысль выразить по-другому: вопросы, которые вошли в содержание «философии науки», на самом деле составляют предмет науковедения. Это отвечало бы истине, ибо совершенно очевидно, что, не будучи в состоянии выделить особый предмет искусственно сконструированной «философии науки», ее изобретатели вышли из затруднения весьма оригинальным образом: просто объявили проблемы науковедения «философскими». Впрочем, ничего оригинального тут нет. Нечто подобное уже было. Жил некогда во Франции монах. И страсть как захотелось оному монаху отведать молочного поросенка. А день был постный. Как быть, чтобы и поросенком полакомиться, и Бога не прогневать? Монах нашелся: взял да и перекрестил поросенка в караса. Ну а караса, как известно, не возбраняется есть и в постный день. Как видите, тут та же метода. Только монах лукавил в малом, а изобретатели «философии науки» лукавят в большом. Время натурфилософии и философии истории безвозвратно ушло, они «сняты» логикой развития самой философии. Вряд ли стоит помещать их в реанимацию. Это не принесет пользы ни философии, ни науковедению. Я не предлагаю исключить вообще этот раздел. Его, видимо, целесообразно сократить до минимума, сделав введением к основному курсу «Методологии науки». Мне почему-то кажется, что и сам автор пособия склонялся к этой мысли. Не случайно же он назвал книгу не «Философия и методология науки», а просто «Методология науки».

И в заключение. Пособие В.Ф. Беркова вышло почти одновременно с книгой «Философия и методология науки» Я.С. Яскевича и В.К. Лукашевича. Причем одним из рецензентов книги Яскевича и Лукашевича был Берков, а рецензентами книги Беркова – Яскевич и Лукашевич. Это наводит на мысль, что никакой «творческой несовместимости» между ними нет, а потому они вполне могли бы образовать единый авторский коллектив, который с учетом опыта работы по предложенным ими пособиям, высказанных критических замечаний и пожеланий могли бы написать новое издание курса. Тем самым было бы сделано доброе дело, за которое и преподаватели, ведущие курс, и его слушатели были бы им благодарны.

В.Л. Акулов,

доктор философских наук, профессор